СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ ЖАН-МИШЕЛЬ БАСКЬЯ И ЭГОН ШИЛЕ В FONDATION LOUIS VUITTON

МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА

У откровенных портретов Эгона Шиле и дикой мазни Жан-Мишеля Баскья общего примерно столько же, сколько у маленького черного платья Коко Шанель и конусовидных корсетов Жан-Поля Готье. Лидер австрийского экспрессионизма и эротоман против американского неоэкспрессиониста и уличного хулигана. У одного за окном — одержимая Фрейдом Вена начала XX века. У второго — андерграундный Нью-Йорк 1980-х. Художников настолько непохожих надо еще поискать. Но Fondation Louis Vuitton рискнул и устроил им свидание вслепую. Кто выиграл от этого соседства, вопрос спорный, но выставка — точнее, две выставки,— бесспорный хит этого года.

«Не одна выставка на двоих, а две бок о бок под стеклянными сводами здания Фрэнка Гери»,— настаивает Жан-Поль Клавери, советник президента LVMH Бернара Арно. «Я не считаю, что мы вправе форсировать этот альянс»,— добавляет директор Fondation Louis Vuitton Сюзанна Паже. И даже приглашенный куратор Дитер Бучхарт, усматривая родство Шиле и Баскья по линии экзистенциализма, соглашается, что показывать их нужно отдельно: «Это два больших художника, но их разделяют 70 лет. Несопоставимы и форматы: у одного — интимная живопись и графика, требующие пытливого взгляда; у второго — монументальные полотна, в которые нужно вчитываться».

Жан-Мишель Баскья (1960–1988) в коллекции Fondation Louis Vuitton занимает привилегированное положение, он один из любимых художников Бернара Арно. Президент LVMH открыл его для себя в 80-х годах, когда Баскья еще был жив, и не просто коллекционирует его картины, а живет с ними. Они висят в каждом доме Арно, не говоря уже про собрание Fondation Louis Vuitton, в котором работ Баскья много и они участвуют во всех коллективных выставках фонда. Ретроспектива Баскья — а до него ни один художник из коллекции не удостаивался сольной экспозиции,— как раз идея Бернара Арно.

Выставка занимает четыре уровня музея и в 135 картинах, расположенных в хронологическом порядке, рассказывает о ключевых этапах короткой карьеры художника с 1980 по 1988 год. Исключая «уличную» главу жизни Баскья-граффитчика, когда он вместе с приятелем под единым псевдонимом SAMO расписывал стены нью-йоркского Сохо странными протестными фразами, ее кураторы опускают. Среди премьер стена с рисунками, около тридцати листов — этюды «Голов», сделанные в 1982 году и выставленные впервые галеристом Робертом Миллером. С тех пор их нигде не показывали. В Fondation Louis Vuitton стену воспроизвели в точности как у Миллера. Из невиданного и картина с солирующей Эйфелевой башней. Оказывается, Баскья, как и все американцы, обожал Париж. Есть залы с кумирами-афроамериканцами. Боксеры Мохаммед Али, Шугар Рэй Робинсон и Джо Луис учили держать удар: их агрессию на ринге Баскья понимал как никто другой и всегда говорил, что 80% его картин — это чистая злость. Музыка — отдельная глава в жизни художника и на выставке. Здесь речь идет еще об одном кумире — американском джазмене, саксофонисте Чарльзе Паркере: Баскья его боготворил и считал своим альтер эго.

Кульминацией этой галереи кумиров стал зал, посвященный Энди Уорхолу, их совместным с Баскья работам. В четыре руки художники трудились с 1984 года. Баскья давно ходил вокруг да около своего кумира, но все как-то не складывалось. В итоге их познакомил влиятельный галерист Бруно Бишофбергер. Привел юного художника с собой на обед. Пообедали, и понеслось. Вчерашний парень с тротуара в Гринвич-Виллидж, где он расписывал футболки, стал суперзвездой арт-рынка, которому завидовал даже Уорхол.

Баскья мечтал о славе — и он ее получил. Хотя титуловал он себя сам, задолго до всех почестей — просто рисовал себе повсюду корону. Какие могут быть сомнения? Молодой художник стал не только «золотым ребенком» арт-мира, но и поп-иконой, законодателем мод, звездой нью-йоркской тусовки. Одна из его первых выставок прошла в магазине модного дизайнера Патриции Филд, он встречался то с Мадонной, то с Китом Харингом, позировал для журнальных обложек, не расставался со своим костюмом Armani, обожал пиджаки Issey Miyake и участвовал в дефиле Comme des Garcons. Про монетизацию имиджа Баскья все понял задолго до рождения сегодняшних инфлюенсеров. Простая парикмахерская «на районе», где он стриг свою непослушную копну, вдвое повысила цены — от запросов «как вот у этого парня-художника» не было отбоя.

__Жан-Мишель Баскья, «Энтони Кларк», 1985

О выставке Эгона Шиле давно мечтала директор Fondation Louis Vuitton Сюзанна Паже. И если в Москву Шиле привозили в прошлом году в ГМИИ имени Пушкина, то в Париже австрийского экспрессиониста не видели лет двадцать пять. Замечательно и то, что в Fondation Louis Vuitton привезли не хрестоматийную классику (в столетнюю годовщину смерти художника венские музеи оставили «сливки» себе — тем лучше), а редкую графику из частных собраний. Собрать 120 работ помогли связи Сюзанны Паже, похлопотал и сам Бернар Арно.

Куратор Дитер Бучхарт по-немецки строго, но исчерпывающе представил Эгона Шиле (1890–1918) как превосходного рисовальщика. Его краткую творческую жизнь он разделил на этапы по типу линии и контура. «Редкий художник прорабатывает линию и рисунок с виртуозностью и напряженностью, присущими руке Эгона Шиле,— объясняет куратор.— Орнаментальная плавная линия заимствована у учителя Густава Климта, поэтому их обнаженные Данаи и похожи как сестры. Дальше — разрыв с традицией и обращение к экспрессионизму; угловатые портреты и автопортреты в изогнутых позах и слишком смелых для Шиле цветовых сочетаниях. Накануне Первой мировой войны его почерк колеблется между классикой и новаторством. При сложносочиненных линиях рисунок становится все более прозрачным. И наконец, завершающий этап с ампутированными фрагментарными линиями, которые разбирают тело на части».

__Эгон Шиле, «Моа», 1912

полную версию материала читайте в разделе «инициативы» сайта kommersant.ru

Руки — отдельная страсть Эгона Шиле. Эту странную, неестественную жестикуляцию (вы попробуйте так же сложить пальцы — не выйдет) художник подсмотрел в альбомах с изображениями умалишенных французского психиатра Жан-Мартена Шарко, учителя Фрейда, и вкладывал ее в руки своим моделям. На рубеже веков истерички становятся идеалом декадансной женственности — ими вдохновляется театр (Сара Бернар тоже не расставалась с альбомами Шарко), ими вдохновляется искусство. К слову, помните Дэвида Боуи на черно-белой обложке его культового альбома «Герои» (1977)? Так вот, он там в образе Эгона Шиле — скопировал позы с автопортрета любимого художника-экспрессиониста.

Австриец был очень плодовит — создал не менее трехсот картин и тысячи рисунков. На них его любимые модели: Валли Нойциль, Эдит Хармс и младшая сестра Гертруда. Шиле писал даже в тюрьме, где провел пару недель за «аморальное поведение». В своем домике в австрийской деревне Нойленгбах он жил фривольной жизнью. Здесь же располагалась его мастерская, двери которой всегда были открыты для юных натурщиц. Странное соседство с художником обитатели терпели ровно до тех пор, пока его кисть не коснулась их детей. Судья публично жег его рисунки, а Шиле его потом проклинал со страниц своего дневника: «Инквизиция! Средневековье! Кастрация! Лицемерие! Человек, отрицающий секс, и есть настоящий развратник». А не отрицающий — есть гений. И об этом тоже говорит выставка в Fondation Louis Vuitton.